

А. Я. ПЕЛЬШЕ

**СОСТОЯНИЕ ЛАТЫШСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ И ЗАДАЧИ
ЯЗЫКОВЕДОВ РЕСПУБЛИКИ В СВЕТЕ ТРУДА И. В. СТАЛИНА
«МАРКСИЗМ И ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ»***

Латышский народ получил возможность свободного развития своей национальной культуры на латышском языке лишь со времени установления Советской власти в Латвии.

На протяжении многих веков многочисленные западные завоеватели всячески стремились задержать развитие духовной культуры латышей, ограничить развитие латышского языка, насильственно ассимилировать его с языками захватчиков. Но, несмотря на отсутствие своей письменности, латышский язык проявил огромную сопротивляемость попыткам разрушения его, сохранял основной словарный фонд и грамматический строй, непрерывно развивался, шлифовался, а также обогащался за счет языков тех народов, с которыми он общался. Наглядным свидетельством большой устойчивости и сопротивляемости латышского языка насильственной ассимиляции являются многочисленные произведения устного народного творчества; достаточно отметить, что в Институте фольклора и этнографии Академии Наук Латвийской ССР хранится 2 700 000 записанных произведений устного народного творчества.

Появление современного литературного латышского языка относится, как известно, ко второй половине XIX в., ко времени образования и развития латышской нации. А «нации, — учил В. И. Ленин, — неизбежный продукт и неизбежная форма буржуазной эпохи общественного развития»¹. Эпоха образования наций характеризуется экономической и политической концентрацией, ростом промышленности и сельского хозяйства, торговли и транспорта, науки и техники, которые, естественно, требовали от языка пополнения его словаря новыми словами и выражениями.

«Во всем мире, — писал В. И. Ленин в работе «О праве наций на самоопределение», — эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе.

* Доклад, прочитанный секретарем ЦК КП(б) Латвии т. Пельше на Объединенной конференции Института языкознания АН СССР и лингвистических институтов Латвийской, Литовской и Эстонской академий наук, посвященной вопросам балтийского языкознания в свете труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Конференция происходила в Риге 19—22 февраля 1952 г.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 56.

Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец — условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом и покупателем»².

Развитие капитализма в России во второй половине XIX в. и особое географическое положение Латвии, расположенной на путях из России в Западную Европу, способствовало быстрой экономической и политической концентрации, развитию капиталистического хозяйства и еще большему укреплению унаследованной языковой общности латышской нации, ибо, как указывает товарищ Сталин, «национальная общность немыслима без общего языка...»³. Это гениальное теоретическое положение об общности языка как одном из характерных признаков нации И. В. Сталин еще раз подчеркнул и развил в своих замечательных работах по вопросам языкознания: «Марксизм говорит, что общность языка является одним из важнейших признаков нации, хорошо зная при этом, что внутри нации имеются классовые противоречия»⁴.

В связи с общим развитием капитализма в 50—60-х годах прошлого столетия в Латвии возникло исторически прогрессивное по своему характеру национальное движение развивавшейся сельской и городской буржуазии, известное под названием «младолатышского движения». Левое крыло младолатышей демократов-просветителей, возглавлявшееся Юрисом Алунаном, Каспаром Биезбардисом, вело борьбу за развитие национальной культуры, за улучшение дела народного образования, введение в школах и государственных учреждениях латышского языка. Деятельность младолатышей способствовала укреплению исторически сложившихся тесных связей между латышской и русской культурой. В тесном союзе и контакте с прогрессивными русскими учеными, состоя в научных русских обществах Петербурга, Москвы, Юрьева (Тарту) и других городов младолатыши внесли значительный вклад в дело развития латышской национальной культуры, дали латышскому народу первые научные и научно-популярные труды на латышском языке. Юрис Алунан, — языковед, литератор, географ, — много сделал своими исследованиями для развития науки в Латвии. Кришьян Барон собрал и обработал огромное количество латышских народных песен. Много статей на латышском языке написал крупнейший латышский общественный деятель буржуазно-либерального толка Кришьян Валдемар. Интенсивную научную работу в области изучения латышского языка вел известный языковед-педагог Агис Кронвалд. Латышский поэт и писатель Андрей Пумпур создал значительное количество высокохудожественных произведений, способствовавших развитию прогрессивной латышской культуры и ее сближению с культурой великого русского народа. Поэт Аусеклис также внес значительный вклад в дело создания современного латышского литературного языка.

К концу XIX в. на латышском языке уже имелось немало произведений оригинальной политической литературы, а также произведений классиков марксизма в переводах. На фоне дальнейшего развития капитализма и подъема борьбы пролетариата и крестьянства против царизма и немецких баронов в конце XIX в. в Латвии, в противовес реакционному буржуазно-

² В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 368.

³ И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 293.

⁴ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 16.

националистическому движению, возникло так называемое «новое течение» («яуна страва»), объединившее передовую радикально-демократически настроенную латышскую интеллигенцию.

Я. Райнис, Эд. Вейденбаум, П. Стучка и др., возглавив левое крыло этого течения, развернули энергичную деятельность, направленную на распространение идей научного социализма в Латвии. Газета «Диенас лапа» («Ежедневный листок») и другие издания, наряду с переведенной на латышский язык марксистской литературой, в значительной мере способствовали расширению общественно-политической лексики латышского языка.

В последующий период революционные писатели Я. Райнис, А. Упит, Л. Паэгле и др. обогатили латышскую культуру произведениями исключительной художественной силы. Отражая в своих произведениях прогрессивные мысли и чувства, они обращались к языку народа, показали огромное богатство латышского народного языка.

Основоположники классической и современной латышской литературы, проявлявшие огромный интерес к фольклору и мастерски использовавшие в своем творчестве художественные формы устной поэзии, помогли быстрейшему развитию латышского литературного языка.

Период 20-летнего господства буржуазно-националистической клики в Латвии, установленного империалистами Запада, был мрачным периодом разгула реакции и на идеологическом фронте.

Поход против прогрессивных и революционных деятелей латышской культуры был направлен на то, чтобы в корне подорвать и «уничтожить» материалистическое миропонимание, отторгнуть массы латышей от Страны Советов, дискредитировать революционную партию пролетариата. Мутным потоком разливались в Латвии различные антинаучные реакционные теории, усиленно культивировались всевозможные буржуазно-националистические и религиозные течения, прикрытые якобы «научными» доводами. Академии Наук в буржуазной Латвии не было, а в университете одно из ведущих мест занимал богословский факультет. Для языкознания буржуазной Латвии были характерны идеализм и оторванность от народного языка. Стремясь приспособиться к реакции, ужиться с буржуазно-националистическими правителями Латвии, деятели буржуазного языкознания немало поработали над тем, чтобы извратить создавшийся к тому времени литературный латышский язык, заменить многие общепонятные народные слова и выражения ничем не оправданным «словотворчеством». Буржуазные писатели и языковеды (Весселис, Саартс и др.) изрядно засорили латышский литературный язык иностранной и псевдолатышской терминологией. Буржуазные националисты внесли в грамматику современного латышского языка ряд несвойственных ей категорий, вели изучение диалектов в отрыве от общего развития латышского национального языка. Объективистски трактуя законы развития языка как имманентные, не связывая историю языка с историей народа, общественной жизнью, языковеды буржуазной Латвии превратили латышское языкознание в своеобразную фактографию, по которой невозможно понять историю развития латышского языка как языка национального.

Даже крупнейший латышский языковед проф. Я. Эндзелин, значительные научные заслуги которого неоспоримы, в своих многочисленных лингвистических трудах, содержащих немало фактов, имеющих большое познавательное значение, не дал сколько-нибудь серьезных научных обобщений в области истории латышского языка. Оставаясь на позициях буржуазного объективизма в толковании языковых явлений, он не пошел дальше констатации простой языковой фактологии, поданной в отрыве от истории латышского народа.

Все это свидетельствует о большой отсталости языкознания буржуазной Латвии, о неразработанности отдельных языковедческих дисциплин.

В сороковых годах в вузы и школы нашей республики, а затем и в научно-исследовательские институты Академии Наук Латвийской ССР стало проникать и утверждаться пресловутое «новое учение» о языке акад. Н. Я. Марра. Правда, внедрение его шло «со скрипом», нередко даже оно встречало сопротивление со стороны многих местных лингвистов. «Правовверные ученики» и сторонники марровской теории «одержали победу» лишь в 1948 г., когда на организованной Академией Наук Латвийской ССР дискуссии Марр был провозглашен подлинным, ортодоксальным марксистом, а его вульгарные теоретические высказывания по вопросам языкознания были объявлены научными истинами. С тех пор латвийские языковеды пошли в основном по двум путям: с одной стороны, началось внедрение «теории» Марра в языкознание, с другой стороны — продолжалось объективистское извращение языкознания специалистами старых буржуазных школ. Языковеды Латвии допускали серьезные ошибки, вносили невероятную путаницу в науку своими выступлениями в печати. Настоящей организованной борьбы и столкновения мнений, самокритики и хорошей товарищеской научной критики в науке о языке не было. Установившийся арачьевский режим глушил стихийно возникавшие среди языковедов научные споры.

Вот несколько примеров, характеризующих явно неблагоприятное положение в области языкознания, создавшееся тогда в Латвии.

Воинствующий апостол марровского «нового учения» о языке, бывший преподаватель Латвийского государственного педагогического института Вистин крикливо шельмовал сравнительно-исторический метод в языкознании как «идеалистический», высокомерно критиковал изучение групп языков как проявление теории «праязыка». Студентов, пытавшихся критиковать псевдонаучные концепции Марра, он терроризировал, отказывавшихся посещать занятия марровского кружка не допускал к экзаменам.

Подобная апологетика марровского учения имела место и в Латвийском государственном университете. Уже в период развернувшейся дискуссии по вопросам языкознания старший преподаватель кафедры русского языка Латвийского государственного университета т. Новичкая решительно выступила в защиту марровского «нового учения» о языке, в защиту классовости языка и т. д.

Невероятная путаница взглядов по самым важным вопросам языкознания дарила в вузах, в школе и в печати. Старшие преподаватели Большакова и Гинсбург, доц. Манигетти и др. склоняли во всех падежах имя Марра, подменяя подлинную науку игрой в пустые дефиниции. Не владеющие марксистско-ленинской теорией, обуреваемые недугом словесного жонглирования, они вносили в преподавание языковедческих дисциплин антинаучный подход, немало элементов кустарщины, отсебятины.

Гениальные сталинские труды по вопросам языкознания заставили латвийских языковедов пересмотреть их старые позиции, их прошлую ошибочную практику и сделать все необходимые для дальнейшей плодотворной работы выводы.

Свежий ветер глубочайшей научной критики вымел из языкознания вульгарные, антинаучные догмы и каноны «нового учения» о языке, развеял нелепые представления о языке как надстройке, о классовой природе языка.

Многие из заблуждавшихся ученых, вдохновленные трудами И. В. Сталина, встали на путь коренной перестройки своей лингвистической деятельности. Выступления преподавателей институтов и научных работников Латвийской Академии Наук по итогам дискуссии о языке

явились свидетельством большого прилива активности и творческой энергии во всех областях нашей педагогической и научной работы. Неплохо прошли занятия теоретического семинара «Классики марксизма-ленинизма о языке», организованного для преподавателей языковедческих дисциплин. Все дискуссии, проведенные в нашей республике со времени выхода в свет трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания, сыграли положительную роль в деле вооружения научных и студенческих кадров сталинским учением о языке.

Однако среди наших латвийских ученых есть немало таких, которые легкомысленно отнеслись к деловой перестройке научной и учебной работы в области языкознания и за истекшие полтора года не продвинулись вперед. Некоторые из этих товарищей ограничились тем, что приветствовали сталинское учение о языке, клялись в своей верности этому учению, но очень мало сделали для того, чтобы серьезно овладеть им и претворить его в своей научной и учебной работе. Примером такой упрощенной, несерьезной перестройки может служить деятельность профессора Латвийского педагогического института Я. В. Лоя.

Как известно, накануне дискуссии в «Правде» проф. Лоя послал в Министерство высшего образования СССР материал под заголовком «За передовое языкознание Марра — Мещанинова». (Сам заголовок статьи не требует комментариев.) Но сразу же после опубликования трудов И. В. Сталина по языкознанию Министерство получило от проф. Лоя новый материал, в котором он, обойдя молчанием свою статью, сообщил о сплошном засилии «учеников» Марра в Латвийском педагогическом институте. Себя же он изобразил как непримиримого борца против «нового учения» о языке, как великомученика, пострадавшего от его последователей.

Министерство высшего образования высказало проф. Лоя свои сомнения в том, что он осуществляет перестройку достаточно серьезно, продуманно, убежденно. Но из этой критики проф. Лоя не извлек серьезного урока. Вот несколько фактов, подтверждающих чисто внешний характер его перестройки.

Профессору Лоя было поручено прочитать для студентов-заочников Педагогического института курс «Основы сталинского учения о языке». Вместо того чтобы провести серьезную и глубокую работу по подготовке и составлению курса на основе указаний товарища Сталина, проф. Лоя ограничился лишь незначительной переработкой своих прежних лекций и прочитал курс явно неудовлетворительно. В его лекциях не была раскрыта сущность важнейших сталинских положений о языке. К тому же некоторые из них были искажены. Так, например, проф. Лоя противопоставил грамматический строй словарному составу языка, примитивно охарактеризовал базис и надстройку, поверхностно изложил признаки языка и т. д.

В представленных в ЦК КП(б) Латвии тезисах доклада на тему «Учение И. В. Сталина о языке и задачи латышского языкознания» проф. Лоя обрушил весь свой полемический пыл на заведующего кафедрой латышского языка Латвийского государственного университета т. Озола. Объектом критики для проф. Лоя явились тезисы доклада т. Озола «О нормах современного латышского языка», прочитанного в Латвийском университете. Огульно приписывая тезисам буржуазно-националистические ошибки, проф. Лоя сам демонстрирует непонимание им того, что «национальный язык есть форма национальной культуры, что национальный язык может обслуживать и буржуазную и социалистическую культуру...»⁵ Ведь

⁵ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 21.

«культура может быть и буржуазной и социалистической, язык же, как средство общения, является всегда общенародным языком и он может обслуживать и буржуазную и социалистическую культуру»⁶.

Пора проф. Лоя в этом разобраться.

Не прав также проф. Лоя, когда утверждает, что в Латвии якобы не существовало науки о языке до установления Советской власти. В латвийском языкознании была школа проф. Эндзелина; буржуазная наука о языке существовала в Латвии, и несомненно, что из нее кое-что полезное (особенно в области истории языка) можно и должно извлечь.

Конечно, нельзя пройти мимо некоторых неправильных позиций, которые занимают в языкознании наш заслуженный языковед проф. Эндзелин и некоторые его последователи, пропагандирующие догматический метод в языкознании.

Проф. Эндзелин встретил в штывы попытки языковедов исследовать современный латышский язык и в качестве диссертационных тем рекомендовал прикрепленным к нему аспирантам по преимуществу изучение текстов библий и катехизисов XVI в. Это отнюдь не случайно. В предисловии к «Грамматике латышского языка», изданной впервые в 1908 г. и переиздававшейся неоднократно в последующие годы, проф. Эндзелин писал: «Родник латышского языка во всей своей чистоте бурлит теперь в старом поколении, которое еще не поддавалось влиянию ни книжников, ни газетчиков, ни других языков. Напротив, новое поколение, обучаясь в школе иностранным языкам, быстро теряет чувство языка, говорит и пишет по-латышски в духе русского или немецкого языка».

Для проф. Эндзелина характерен уход в прошлое, стремление рассматривать язык метафизически, как вечную категорию, что противоречит учению И. В. Сталина об образовании наций и национальных языков. В курсовых работах студентов проф. Эндзелин делал упор на выискивание «ошибок» и «исправление» якобы засоренного языка латышских советских писателей, лауреатов Сталинских премий. По его мнению, латышский народ и латышские советские писатели говорят испорченным языком, в результате влияния соседних языков.

Конечно, проф. Эндзелин не является сторонником учения Марра, и ошибочно было бы устанавливать какую-то аналогию между «теорией» Марра и взглядами проф. Эндзелина. Но у проф. Эндзелина и его учеников есть одна общая с марровцами черта — это непризнание критики. Проф. Эндзелин всякую справедливую критику некоторых его неверных положений в языкознании отметаёт, так сказать, с порога, заявляя, что «с критиками он не хочет быть под одной крышей». Проф. Эндзелин ни разу не выступил с открытым признанием своих ошибочных положений, высказанных в «Грамматике латышского языка» и других опубликованных трудах.

Конечно, такая линия поведения проф. Эндзелина явно противоречит указаниям И. В. Сталина о борьбе мнений, о принципиальной критике и самокритике как двигателях всякого научного развития.

Еще в своей работе «Анархизм или социализм?» И. В. Сталин напоминал об известном диалектическом положении: «Все то, что изо дня в день растёт, — разумно, а все то, что изо дня в день разлагается, — неразумно и, стало быть, не избегнет поражения»⁷.

Нам нет никакой необходимости поддерживать в языке то, что отживает свой век, обречено на исчезновение и, значит, неразумно. Патриотический долг советских языковедов — применить гениальные указания товарища

⁶ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 20.

⁷ И. В. Сталин, Соч., т. I, стр. 299

Сталина по вопросам языкознания к материалу своей специальности, разработать на основе сталинского учения о языке конкретную историю отдельных языков, создать грамматики, отвечающие требованиям сталинского учения о языке.

Большую роль в деле развития науки о языке и подготовки национальных кадров лингвистов призван сыграть Институт языка и литературы Академии Наук Латвийской ССР.

Однако в этом институте до появления трудов товарища Сталина крепко обосновались последователи «нового учения» о языке. Вместе с тем в институте слабо проводилась борьба с буржуазно-националистическими тенденциями в латышском языкознании, которые проявлялись в пуризме, а также в игнорировании языка прогрессивной латышской литературы, особенно советской, в игнорировании всего того, что принес в язык советский народ, в игнорировании слов и выражений, заимствованных из русского языка.

Научные работники избегали постановки серьезных теоретических проблем, сводили изучение языка к сбору и некоторой систематизации фактов. Отсутствие координирования исследовательской работы по языку в высших учебных заведениях и научных учреждениях республики приводило к ненужному параллелизму в работе. Так, например, в 1950—1951 гг. предполагалось издать в республике два однотипных русско-латышских словаря.

Безответственно был составлен план научно-исследовательских работ сектора языка на 1946—1950 гг. Он не отражал нужд школ, вузов, общественности. За основу брались субъективные мнения некоторых наших языковедов, старшее поколение которых явно пренебрегает вопросами грамматики латышского языка. На 1946—1950 гг. сектор языка запланировал составление пяти словарей: полный словарь латышского языка, словарь латышского литературного языка, словарь латышских синонимов, топонимические названия Латвийской ССР, русско-латышский словарь.

Кстати, полезно будет вспомнить, что известный русский лексикограф Владимир Даль работал над составлением своего «Толкового словаря живого великорусского языка» около 40 лет. Научные же сотрудники сектора языка были расставлены так, что над каждым из упомянутых выше словарей работало не более одного-двух человек. Понятно, что при такой расстановке сил институт смог бы закончить работу только через несколько десятков лет.

В результате неправильного планирования работы сектор языка института в течение шести лет не дал ни одной законченной работы и не собирается опубликовать в ближайшие два-три года ни одного серьезного исследования.

Совершенно не получили отражения в плане вопросы грамматики латышского языка. Руководитель сектора языка считал, что изучение лексики и описание диалектов важнее разрешения насущных проблем грамматики латышского языка. По его мнению, в области грамматики все необходимое якобы уже сделано в буржуазной Латвии. Фактически же именно по этим вопросам наше языкознание намного отстало от русского советского языкознания.

После выхода в свет труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» план научно-исследовательской работы был значительно перестроен: была прекращена на время работа над некоторыми словарями и силы сектора были сосредоточены на русско-латышском словаре.

В 1951 г. часть сотрудников института работала над статьями для сборника «Вопросы языкознания и литературоведения в свете трудов

И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“. Сектор языка оказал также некоторую помощь Министерству просвещения республики в рецензировании и обсуждении школьных учебников и программ.

Значительно удачнее составлен план на 1952 г.: учтены критические замечания, сделанные в нашей партийной печати и на XI съезде КП(б) Латвии в адрес института и прежде всего его сектора языка. В этом году сотрудники сектора языка начали работу над учебным пособием для вузов «Современный латышский литературный язык».

До сих пор наши языковеды составляли описание латышского литературного языка и определяли его нормы главным образом на основании исследования фольклорного материала и латышских письменных памятников, написанных несколько сот лет тому назад немцами-колонизаторами, недостаточно владевшими латышским языком, искажившими его и засорившими германизмами. Художественная и научно-политическая литература, а также периодика не исследовались, так как старшее поколение наших языковедов считало их язык испорченным. Поэтому крайне необходимы не только для вузов, но и для всех работников в области языка и литературы исследования по современному латышскому литературному языку.

Многие труды, над которыми научные сотрудники работают уже пять-шесть лет, еще не обсуждались. По топонимике проф. Эндзелином уже подготовлена рукопись в объеме 35 авторских листов, но так как она тоже еще не обсуждалась, трудно говорить о ее содержании в целом. Известно только, что это исследование представляет собой собрание ценных примеров и фактов. Топонимические названия в большинстве своем восходят к отдаленным временам, поэтому они представляют большой интерес для языковедов, историков, этнографов и других специалистов и важны для решения вопроса о древнейшем расселении славянских, балтийских и финских племен.

В институте тяжелое положение с кадрами языковедов: из 12 научных сотрудников только два имеют ученую степень и ученое звание. За шесть лет существования сектора ни один из сотрудников не сдал еще полностью кандидатского минимума и не защитил диссертации. Институт не использовал предоставленных ему возможностей по подготовке аспирантов-языковедов. За шесть лет в сектор языка принят только один аспирант. Работу этого сектора характеризует также то, что из 12 его сотрудников лишь трое в совершенстве владеют русским языком.

Недавно Институтом языка и литературы Академии Наук Латвийской ССР и Латвийским государственным университетом было организовано обсуждение книги проф. Я. Эндзелина «Грамматика латышского языка» (издание 1951 г.). На этой дискуссии вскрылись факты, свидетельствующие о том, что некоторые наши языковеды не могут еще разобраться в серьезных теоретических вопросах. Так, старший научный сотрудник Института языка и литературы т. Грабис переоценил этот труд проф. Я. Эндзелина, назвав его высшим достижением латышского советского языкознания, хотя он был написан в досоветское время и освещает проблемы не с марксистских позиций. Как известно, проф. Эндзелин марксистом никогда не был. Непонятно, как после гениальных трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания можно говорить о советском языкознании без марксизма, вне марксизма.

На этой же дискуссии были высказаны ошибочные взгляды также т. Диманом, который в своем выступлении целиком и полностью отверг работу проф. Я. Эндзелина «Грамматика латышского языка», а также труды других языковедов, появившиеся в досоветское время. Он заявил, что из этих трудов может быть использован только некоторый фактический

материал, все же научные обобщения, по мнению т. Димана, вредны. И. В. Сталин в своей работе «Марксизм и вопросы языкознания» указал на положительную роль сравнительно-исторического метода в языкознании, несмотря на существенные его недостатки. Подбор и систематизация фактов в работах проф. Эндзелина и других языковедов, пользовавшихся сравнительно-историческим методом, и сделанные ими выводы не могут быть просто отброшены, как это пытается делать т. Диман. Мы должны взять все то положительное и ценное, что имеется в досоветском языкознании.

Одной из важнейших задач латышского советского языкознания является обеспечение студентов и школьников учебниками и учебными пособиями по языковедческим дисциплинам.

После выхода в свет труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» в школах республики достигнут некоторый перелом в преподавании латышского языка. Изучению грамматики теперь уделяется больше внимания. Однако учителям приходится сталкиваться с большими трудностями: у нас нет полноценных учебников и грамматик латышского языка, удовлетворяющих требованиям советской школы.

В латышских школах в первых четырех классах используются учебники З. Лубаниете «Азбука» и «Учебник латышского языка» для I, II, III и IV классов (издания 1951 г.). Эти книги в методическом отношении более или менее удовлетворительны, но они имеют серьезные недостатки в идеологическом отношении. Ни по своему построению, ни по содержанию они не отражают всего того нового, что в советское языкознание внес И. В. Сталин своим трудом «Марксизм и вопросы языкознания». Тексты для чтения бледны и невыразительны, в них не чувствуется советский человек и великая эпоха строительства коммунизма. Так, например, в учебнике для II класса дается рассказ о рыбаках, которые «втаскивают в лодку тяжелые сети» и «берутся за весла». В литературном материале не отражена советская действительность, не показаны новые методы механизированных и машинизированных трудовых процессов и т. д.

В V, VI и VII классах положение еще хуже. Здесь используется «Латышская грамматика» Тирзмалы и Деглавы. Эта книга вышла в 1950 г., но в ней также не учтены положения, выдвинутые И. В. Сталиным. Книга не удовлетворяет ни в идейном, ни в методическом отношении. В VIII, IX и X классах средней школы учителя и ученики все еще должны обходиться вышедшей в 1948 г. «Грамматикой латышского языка» Алксниса и Вилана. Эта грамматика является поверхностной переработкой анонимной, изданной в 1945 г., грамматики, которая, в свою очередь, была безответственной переделкой вышедшей в 1943 г., т. е. во время фашистской оккупации, грамматики некоей Берзинь. Грамматика Алксниса и Вилана ни в какой мере не соответствует требованиям советской школы.

В русских школах положение с учебниками латышского языка также тяжелое. Единственная, в общем приемлемая, книга имеется только для II и III классов. Для всех остальных классов нет подходящего учебника латышского языка, и учащимся поневоле приходится пользоваться устаревшими учебниками и хрестоматиями Озолина.

Но если для школ еще есть кое-какие учебники латышского языка, то для высших учебных заведений и различных курсов их почти нет. Единственная дисциплина, по которой в распоряжении студентов имеется пособие, — это сравнительная грамматика балтийских языков: здесь может

быть использована книга проф. Я. Эндзелина «Звуки и формы балтийских языков». Остальные курсы (историческая грамматика латышского языка, история латышского литературного языка, диалектология и современный латышский язык) не обеспечены учебниками. По этим предметам студенты пользуются «Грамматикой латышского языка» проф. Я. Эндзелина и изданными в буржуазной Латвии описаниями латышских диалектов. Грамматика латышского языка Я. Эндзелина, как это отмечалось при обсуждении этого труда, не соответствует ни программе по курсу современного латышского языка, ни программе по исторической грамматике. Она не отвечает также программам по истории латышского литературного языка и диалектологии, но представляет собой своеобразный конгломерат различных материалов по всем указанным дисциплинам. Студентам очень трудно ориентироваться в ней. Крайне необходим учебник по курсу современного латышского языка. В «Грамматике латышского языка» Я. Эндзелина эта часть представлена крайне скудно. В ней не отражено развитие латышского языка в советское время, мало примеров из прогрессивной досоветской литературы и совсем нет примеров из советской литературы и публицистики. †

Особенно чувствительно отсутствие учебника практического курса латышского языка для студентов-нелатышей.

*

Необходимо несколько слов сказать о положении в нашей республике с учебниками и грамматиками русского языка для латышей.

Изучение русского языка в республике ведется уже много лет, и успехи в этом деле несомненны. Широкие народные массы применяют свои знания на практике, читают политическую, художественную и специальную литературу, слушают лекции и доклады, сами говорят на русском языке и т. д. Но что же сделано за эти годы для того, чтобы облегчить усвоение русского языка? Как поставлено преподавание русского языка латышам, какие имеются учебные пособия?

Школы как будто обеспечены учебниками русского языка для всех классов, со II до VII.

Но каковы эти учебники? Это хрестоматии с текстами, расположенными бессистемно, без учета принципа нарастания трудностей в материале. Задания к текстам в них не связаны с основным содержанием, мало внимания уделяется работе над лексикой, над активным усвоением слов учащимися. Материалы для внеклассного чтения даны без всяких заданий.

В учебниках имеются устарелые или просто несуществующие русские слова (например, *охиреть*, *заштопка* и др.). Встречаются неправильные выражения и обороты речи. Все это засоряет и искажает русский язык.

В VII классе используется или грамматика для русских школ под редакцией акад. Щербы, или грамматика Матийченко — раскритикованный универсальный учебник для всех нерусских школ, — так что никакого сопоставления с родным языком учащимся не дается, специфика латышского языка не учитывается. Правда, в 1951 г. бригадой учителей составлена грамматика русского языка для латышских школ, но ее первую часть (морфологию) приходится заново перерабатывать, а вторую часть (синтаксис) необходимо дать в сравнении с новой грамматикой латышского языка.

Так обстоит дело в семилетке.

В десятилетке обучение русскому языку ведется тоже по универсальным хрестоматиям для нерусских школ. Это хрестоматии по русской литературе, а не по языку, т. е. они составлены по другим принципам и ставят себе другие задачи. Самостоятельно сопоставлять факты русского и латыш-

ского языков сами преподаватели не всегда могут, так как они недостаточно хорошо подготовлены и теоретически и практически, слабо владеют обоими языками. Поэтому ученики больше заучивают, чем сознательно усваивают материал, и часто приходят в вузы плохо подготовленными по русскому языку.

Положение с учебниками по русскому языку в вузах еще более сложное. До сих пор вышел лишь учебник русского языка проф. Я. Лоя (в 1948 г.) и грамматика Крючкова, Светлаева и Земского под редакцией Я. Лоя (тоже в 1948 г.).

Первый учебник не вполне удовлетворяет требованиям, предъявляемым к вузовскому учебнику, а вторая книга не приспособлена специально для учащихся-латышей (лишь в одном разделе русские литературные тексты даны в сопоставлении с латышскими текстами).

В отношении учебника русского языка для вузов уже проделана некоторая подготовительная работа коллективом преподавателей русского языка Латвийского университета, но все-таки до сих пор необходимых книг еще нет и когда они будут — неизвестно. А нужда в них велика, так как почти во всех вузах республики большинство преподавателей русского языка латышским языком не владеет. Нет также никаких самоучителей по русскому языку для латышей, которые индивидуально изучают русский язык.

Отсутствие учебников и учебных пособий по теоретическому языкознанию для филологических факультетов университета и Педагогического института ставит под угрозу преподавание языковедческих дисциплин в этих учебных заведениях.

Было бы весьма желательно издавать сборники научных статей преподавателей, студентов, работников Института языка и литературы, посвященные разработке актуальных проблем латышского языка, методике преподавания языковедческих дисциплин в школах и вузах.

Учитывая отсутствие учебников и учебных пособий по языкам для школ и вузов, отсутствие разработанной теории и методики переводов, терминологического словаря, толкового словаря, словаря синонимов латышского языка, настоятельно необходимо печатать отдельные наиболее удачные лекции и лекционные курсы по вопросам языкознания.

*

Чрезвычайно важный вопрос — это вопрос о языке перевода. Переводческая работа в Советском Союзе имеет огромное политическое и культурное значение. Переводы способствуют укреплению дружбы народов Советского Союза и углублению взаимных культурных связей. Переводы делают доступными для всех советских народов достижения великой русской культуры, что является могучим стимулом для развития национальных языков и национальных культур. Но переводы могут выполнять эти задачи только тогда, когда они стоят на должной высоте, когда они точно и выразительно передают содержание оригинала с учетом особенностей индивидуального стиля писателя. Самым важным фактором перевода является язык.

Каков язык в латышских переводах?

Лучше всего в нашей республике организован перевод на латышский язык произведений классиков марксизма-ленинизма. Эту работу с 1946 г. не без успеха выполняет Институт истории партии при ЦК КП(б) Латвии — филиал Института Маркса — Энгельса — Ленина. Институт дал на хорошем латышском языке, с унифицированной, по возможности, терминологией переводы полного собрания Сочинений В. И. Ленина, 13 томов Сочинений

нений И. В. Сталина, первого тома «Капитала» К. Маркса и ряда других произведений классиков марксизма-ленинизма.

Это достигнуто путем больших усилий, путем преодоления многих трудностей, особенно вначале, когда институту приходилось создавать много таких общественно-политических терминов, которых в латышском языке не было. Достаточно сравнить «Краткий курс истории ВКП(б)» в изданиях 1940 и 1950 гг., чтобы увидеть, в какой степени улучшилось новое издание.

Художественная литература, к сожалению, переводится значительно хуже. Правда, у нас имеются отличные мастера, давшие безупречные переводы произведений советских писателей и русских классиков на латышский язык. Следует отметить удачные переводы на латышский язык романа А. Толстого «Хождение по мукам» и комедии Грибоедова «Горе от ума», сделанные народным писателем Андреем Упитом. Однако не все переводы таковы. Основные причины недостатков в работе переводчиков — несовершенное владение языком оригинала, недостаточное знание латышской грамматики и всего лексического богатства латышского языка.

Не понимая текста оригинала, переводчики нередко прибегают к буквальному переводу. Например: *штаны и рубашки... из легкой бумажной материи* переводят: *biksēs un krekli izgata voti no papīra*⁸, т. е. «из бумаги»; *кузнечный мех* переводится: *kalēja kažokāda*⁹ и др.

Недостаточное знание латышской грамматики приводит к неверному употреблению грамматических форм, например: *дергающееся лицо старика* — *veča raustošā seja*¹⁰. *Ты не бывал в Москве?* — *Vai tu nebiji Maskavā?* вместо *Vai tu neesi bijis Maskavā?*¹¹ и др.

Неверно употребляются предлоги: *А тебе только о Косте и нужно знать!* переведено так: *Tev tikai par Kostju vien interese*¹²; *делится восторгами* — *dalīties ar sejšmu*, вместо *dalīties sajūsmā*¹³; *старался не смотреть на мелькавшие из-за двери голые локти* — *centāsne skatīties uz no turienes zībošiem kailiem elkoniem*¹⁴.

Некоторые авторы избегают употребления предлогов; например, предложение *оторвал от пола вторую ногу* переведено так: *atrāva grīdai otru kāju*¹⁵ (т. е. «оторвал ногу у пола». — *Ред.*); *подполз к молодой ели* — *pielīda jaunai eglei* вместо *pielīda pie jaunas egles*¹⁶.

Иногда прибавляется ненужный предлог: *он был в курсе всех событий, которые совершались в повседневной жизни* — *viņš bija allaž kursā par visiem ikdienas dzīves notikumiem*¹⁷.

Встречаются ошибки и в употреблении прилагательных, местоимений, форм глаголов, неправильные обороты речи и т. д. Язык переводчика часто очень беден: в нем мало синонимов. Наблюдается известная трафаретность в подборе слов, например, прилагательное *веселый* переводится только словом *jautrs*, хотя имеются и синонимы: *līksms, priecīgs*; глагол *любить*, который обозначает и *mīlēt*, и *patikt*, и *garšot*, обычно

⁸ Макаренко, *Ред.* поэма, Рига, 1945, стр. 330.

⁹ Там же, стр. 717. — Слово *kažokāda* образовано из *kažoks* (заимствовано русское «кожух») и *āda* «шкура». — *Ред.*

¹⁰ *Biņjūkovs, Kaija*, Рига, 1946, стр. 256.

¹¹ *I. Igošņikova, Kaut kur Sibīrijā*, Рига, 1946, стр. 87.

¹² *Priļežajeva, Ar tevi ir biedri*, Рига, 1950, стр. 87.

¹³ *Tur pat*, стр. 115.

¹⁴ *Polevojs, Stāsts par īstu cilvēku*, Рига, 1947, стр. 114.

¹⁵ Там же, стр. 143.

¹⁶ Там же, стр. 27.

¹⁷ *Gladkova, Stāsts par bērniņu*, Рига, стр. 363.

переводится глаголом *mīlēt*; так, *люблю картофель с селедкой к водочке* переводят: *pie šnabja mīlu kartupeļus ar siļķi*¹⁸.

Переводить научную литературу легче, чем художественную. Однако и переводы научной литературы не свободны от упомянутых недостатков. Например, в таком труде, как «История СССР», в I томе (1949) встречаются грубые ошибки и искажения оригинала¹⁹. Перевод I и II томов Сочинений Мичурина (1951) сделан тяжеловесным языком, в нем также встречаются искажения авторского текста, путаница в терминологии²⁰.

В распоряжении переводчиков имеются два русско-латышских словаря, но количество слов в них сравнительно невелико, и они не могут полностью удовлетворить нужд переводчиков. Очень нужен полный русско-латышский словарь, нормативная грамматика латышского языка и словарь синонимов. Об этих необходимых для переводчиков пособиях обязан позаботиться Институт языка и литературы Академии Наук Латвийской ССР и Латгосиздат.

Крайне плохо поставлено рецензирование переводов. В республиканской печати не дается критической оценки качества переводов; в рецензиях, как правило, говорится лишь о содержании переведенных книг. Необходимо широко привлекать к рецензированию переводов научных работников Института языка и литературы, преподавателей языковедческих дисциплин Университета и Пединститута.

Нужно организовать среди переводчиков и языковедов широкую творческую дискуссию по вопросу о том, как следует употреблять при переводах диалектизмы русского языка, как поступать при переводах архаизмов — выискивать ли соответствующие архаизмы в латышском языке или обходить их, заменяя современными синонимами.

Практика работы латвийских языковедов показывает, что в области языкознания у нас имеются зияющие пробелы не только в смысле решения важнейших научных проблем, но и в проведении учебной работы в школах и вузах республики.

Эти пробелы необходимо ликвидировать в ближайшее время. Нужно решительно повысить ответственность работников Института языка и литературы, руководителей и преподавателей филологических факультетов за претворение в жизнь великого учения товарища Сталина о языке, от разговоров о перестройке перейти к перестройке по существу, на деле.

Институт языка и литературы Академии Наук Латвийской ССР должен стать центром научно-исследовательской работы в области латышского языкознания. Он должен вернуться к практическим задачам культурного строительства в республике, преисполниться сознанием высокой ответственности, которую возлагает на него латышский народ, наша партия и советское правительство.

Мы имеем совершенно ясные и четкие указания товарища Сталина о том, что надо делать, чтобы оздоровить советское языкознание. Мы должны решительно перестроить научно-исследовательскую работу языковых кафедр и Института языка и литературы Латвийской Академии Наук, ориентируя ее прежде всего на создание новых учебников и учебных пособий для школ и вузов. Институт языка и литературы, как организационный и методический центр латышского языкознания, должен обеспечить комплексную разработку проблематики научных исследований по языкознанию, включить ее в планы научно-исследовательских работ языковед-

¹⁸ К о п о в а л о в s, Universitate, Рига, 1950, стр. 94.

¹⁹ См. рецензию Я. Зутиса в журнале «Padomju Latvijas bolševiks», 1950, № 18.

²⁰ См. рецензию П. Секуна в том же журнале, 1951, № 11.

ческих кафедр Латвийского государственного университета и Латвийского государственного педагогического института.

В связи с большим объемом предстоящих работ остро встает вопрос о повышении квалификации специалистов, о подготовке и переподготовке научных кадров через аспирантуру. Необходимо увеличить контингент аспирантов по языковедческим дисциплинам на филологических факультетах Латвийского государственного университета, Латвийского государственного педагогического института и в Институте языка и литературы Академии Наук Латвийской ССР. Требования, которые еще вчера предъявлялись к подготовке языковедческих кадров, сегодня уже совершенно недостаточны. Руководители языковедческого фронта должны равняться на будущее, ясно видеть, какие задачи выдвигает бурно развивающееся культурное строительство в республике.

Чтобы творчески пересмотреть важнейшие вопросы латышского языкознания на основе трудов товарища Сталина, надо шире развернуть работу по изучению основ марксизма-ленинизма нашими научными кадрами.

В тесном содружестве с учеными великого русского народа, при повседневной творческой помощи языковедов столицы нашей Родины — Москвы, языковеды Советской Латвии твердо станут на путь марксизма и с честью выполнят задачи, поставленные великим корифеем науки, знаменосцем мира, вождем советского народа товарищем Сталиным.
